

ответа, сказал:

— Война! Немцы напали... Той же ночью его вызвали в райисполком:

— Освободите все школьные классы от мебели. — там будет мобилизационный пункт! — сказал ему заведующий роно А. П. Слуцкий.

Григорий Иванович тут же собрал всех школьных техничек, и к утру все парты и столы были выставлены во двор. Однако мобилизационный пункт начал свою работу в трехэтажном доме через дорогу от школы.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

ЗДАНИЕ райцентра, в котором ныне размещается народный музей, Григорию Ивановичу Лунину знакомо не только потому, что вот уже долгие годы ходит он сюда, как на работу. Выйдя на пенсию, не захотел Григорий Иванович отставать от общественной жизни и стал активно трудиться в народном музее, как член совета его и простой работник: маляр, плотник, столяр, художник-оформитель.

Здесь, в этом здании, долгое время располагалась семилетняя школа, директором которой в предвоенные годы был Григорий Иванович. Не думал он тогда, обучая ребятшек, что в этих классах расположится музей, а сам он станет на стендах располагать материалы о земляках-героях.

В ТОТ июньский день население Большого Мурашкина, как говорится, ни сном, ни духом не ведало о надвигающейся на страну опасности. В воскресенье, 22 июня 1941 года, на территории совхоза «Большемурашкинский» началось массовое гулянье. Григорий Иванович еще утром поехал на центральную усадьбу совхоза в поселок Советский, где в это время жил Геннадий Иванов, брат его жены.

Жена, захватив с собой всех четверых детей, отправилась туда пешком. Елена, Нина и Борис были уже большими, а маленького Володю несли по очереди на руках. Никто не жаловался на усталость: было на редкость солнечным, ясным и теплым это последнее мирное утро.

Домой, как водится, возвратились ночью. Уже входя в Мурашкино, ощутили Лунины какую-то неясную тревогу. По улицам взад-вперед торопливо сновали люди.

— Слыхал, Григорий Иванович? — на ходу спросил встретившийся ему Костя Сажин, и, не дожидаясь

Сотни, тысячи молодых людей из деревень и сел Большемурашкинского района проходили через этот мобилизационный пункт. По всей улице Свободы скрипели подводы, подвозящие призывников и провожающих. Люди, будто капли дождя, сходились сюда со всех сторон районного центра, чтобы образовать полноводную людскую реку. А она, в свою очередь, делилась на три широких рукава.

Течение одного рукава направлялось в город Лысково, другого — мимо Холязина в село Работки, третьего — через деревню Вершинино на Перевоз, из него — на Арзамас. Мобилизованных на телегах отправляли туда, где были пристани или железнодорожные станции.

ЧЕРЕЗ неделю после начала войны на школьный двор нескончаемым потоком вдруг потянулись вооруженные мотоциклисты. Откуда-то с юга, через станцию Смагино, пришла в Большое Мурашкино дивизия мотострелков. Они недолго располагались на школьном дворе. Чинили, смазывали, рихтовали свои машины, а потом вдруг поднялись и уехали в направлении города Горького.

Для жителей старинного тихого села зрелище это было необыкновенным, но в военное время ему мало кто удивлялся, все были ошеломлены случившимся. И провожали в Красную Армию призывников уже не под залихватский звон гармоной, а под женский и детский плач, под суровые напутствия стариков. «Больше всего, сын, бойся позорной смерти», — говорили многие из них.

А Григория Ивановича не взяли в те первые дни войны. Тридцатилетний отец семейства получил броню и остался в тылу.

С ними, солдатами запаса, занимался военным делом военрук Василий Петрович Шеронов, бывший еще в царской армии унтер-офицером. В Дубразе, там, где сейчас кончается пахотное поле племзавода над калдой, копали они окопы и ходы сообщения, учились ходить в атаку, колоштыком, слушали воспоминания встлана первой империалистической и гражданской войн.

В СЕ ЛЕТО продолжалось обучение воинскому делу. Случалось в те дни, что отогнанные зенитками от города Горького фашистские самолеты сбрасывали неиспользованные бомбы куда попало, на поля и леса Княгининского и Большемурашкинского районов, а однажды сообщили, что над Дубравой выпрыгнул из самолета на парашюте фашистский летчик. Бойцы гражданской обороны целую неделю прочесывали лес, но найти никого не смогли.

Осенью 1941 года Григорий Иванович Лунин вместе с учителями своей школы Степаном Григорьевичем Корниловым, Василием Афанасьевичем Рыбаковым и другими стал обучаться в районной МТС вождению трактора и уходу за ним. Обучал их этот Е. Г. Солодов. Обучали запасников для того, чтобы весной послать работать в колхозы. Однако судьба распорядилась иначе. 8 марта 1942 года Григория Ивановича и Михаила Шеронова, сына Василия Петровича, призвали в Красную Армию. Ехали на крестьянской телеге через деревню Вершинино на Перевоз, оттуда, уже по железной дороге, — в Арзамас.

В. УРУСОВ.

[Продолжение следует].

НА СНИМКЕ: Г. И. Лунин среди однополчан. Декабрь 1941 г.

чтобы знали молодые, как это — воевать.

В последнем бою подожгли их танк. Выбираясь через люк, сказал, было, Григорий Иванович, что надо потушить пожар огнетушителем, но механик чуть не силой увел его от горящей машины. Проползли метров пятьдесят — и страшный взрыв поднял на воздух их бывшую машину — взорвался недавно полученный боезапас: семьдесят пять снарядов и коробки пулеметных лент.

ЖИВАЯ ИСТОРИЯ

II. (Окончание. Начало в № 5).

В АРЗАМАСЕ Григорий Иванович вместе с Михаилом Васильевичем Шероновым просился в артиллерийское училище, но его не взяли из-за возраста. А Михаил Шеронов поступил, стал артиллерийским офицером и погиб потом на полях войны.

Григорий Иванович попал на распределительный пункт. Три раза просился он в танковую часть, объясняя, что умеет водить трактор, но его не брали опять из-за возраста. Наконец, когда он сказал, что знает еще и азбуку Морзе, его назначили башенным стрелком-радистом в танковую бригаду. Через месяц эту бригаду срочно перебросили под Сталинград в район Калача, где наиболее тяжелой была защита переправы через Дон. Она переходила из рук в руки, прежде чем фашисты сумели завладеть ею. Григорий Иванович сражался на американском двухбашенном танке, который между собой бойцы называли «гроб семерым», так как в экипаже было семь человек.

До сих пор Григорий Иванович не может забыть тех страшных картин, которые он видел, глядя в перископ танка. Думает он сейчас нарисовать картину увиденного своими глазами ада,

Оглушенные, слегка контуженные, танкисты пошли искать свою часть и пешком прошагали до самого города Саратова. Там нашли своих. Григория Ивановича, как образованного человека, назначили ротным писарем, — потом перевели в штаб полка.

Вместе со своим 134-м танковым полком повидал старший сержант Лунин Среднюю Азию, Баку, Украину, Белоруссию, Польшу, Румынию, Венгрию, Чехословакию. Не раз глядел смерти в лицо, а после дня Победы еще неделю участвовала их часть в боях с несдавшимися фашистами и власовцами в Австрии.

Д ОМОЙ вернулся старшиной. Снова стал учителем, потом — директором школы слабослышащих детей, где и трудился до самой пенсии.

Удивительно много сумел сделать за свою жизнь этот невысокий скромный человек. Работая в школе, находил время для рисования, любимого дела в своей жизни. Уходя на пенсию, оставил в народном образовании вместо себя дочь. Елена Григорьевна Судомойкина сейчас — известный и уважаемый педагог.

А сам Григорий Иванович без дела усидеть не мог. И хотя через несколько месяцев исполнится ему восемьдесят лет, не было из тех двадцати пенсионных лет

ни одного бездеятельного.

Разумеется, дела у владельца личного дома всегда найдутся, но не уделяет им основное внимание Григорий Иванович. Почти каждый день, как на работу, ходит он в народный музей, расположенный в здании той самой школы, директором которой он был в 1941 году.

Здесь оживает прошлое. На стенды музея наклеивал он фотографии земляков, ныне живущих и погибших в битве за свободу Родины. С отвращением раскладывал на стендах орудия убийства, с которыми пришли на нашу землю фашистские изверги.

Пусть видят молодые, с кем приходилось бороться их отцам и дедам, пусть учатся уманию переносить невзгоды и трудности. Пусть борются своим трудом за то, чтобы был на земле постоянный мир. В войну такая борьба намного труднее и опаснее. Это он знает по личному опыту.

В. УРУСОВ.

НА СНИМКЕ: Г. И. Лунин. Ноябрь 1944 г.